

Дмитрий Шашков

Неподобный

16+

Дмитрий Андреевич Шашков

Неподобный

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66217980

SelfPub; 2021

Аннотация

Сложная внутренняя жизнь человека с крайне нетипичным устройством психики...

Дмитрий Шашков

Неподобный

Я никогда не встречал никого, подобного себе, сколько помню себя существующим. Если рассмотреть мои руки, ноги и прочие части тела, они выглядят похожими на аналогичные члены людей, но на этом сходство, на мой взгляд, заканчивается. То, как люди говорят, действуют, ведут себя друг с другом и со мною в корне отличается от того, как всё это делаю я. Мне кажется, телесное моё сходство с ними только ещё более всё осложняет. Если бы я был, например, огромным насекомым, от меня не ждали бы людских реакций и поведения; противоречие было бы прежним, но обе стороны – я и они – были бы к нему готовы. Ведь насекомое совсем не похоже на людей!..

Так было всегда, сколько себя помню. Сколько я живу, затрудняюсь сказать, иногда мне кажется, что очень давно, иногда, наоборот, всего ничего. Знаю, что люди считают своё прожитое время, возможно даже считают также и моё прожитое время, но я так не делаю. Не знаю, почему, так уж сложилось. Это одна из моих тайн, которую я ужасно не хотел бы, чтобы они обо мне знали, – я почему-то уверен, что им это покажется диким и возмутительным. Я издавна замечал, что многие моменты моего поведения, моей жизни, кажущиеся мне совершенно естественными, вызывают у них реак-

цию раздражения. Когда-то, когда я был совсем маленьким, они даже то и дело говорили мне про то и это: «Не делай так!». И этот окрик мне до сих пор нередко снится, хотя они давно уже так не говорят, а силятся скрывать свои чувства, но я всё же понимаю, что по-прежнему то и дело вызываю у них раздражение. Это одна из причин, почему я предпочитаю быть один. Хотя я уже неплохо научился выносить присутствие людей рядом, даже в моей комнате, всё же долго делать это мне очень тяжело. Они, бывает, приходят, подолгу остаются рядом со мной, в одной комнате, говорят что-то совершенно несущественное, и оттого весьма странное и подозрительное, смотрят на меня своими тяжёлыми взглядами, иногда даже заглядывают в глаза, чего я совершенно не переносу... Я вот никогда на них не смотрю, почему же они так делают?! Я в таких случаях обычно просто сижу, сцепив руки, чтобы придать своему телу целостность, и терпеливо жду, пока они уйдут. И они, наконец (поняв, возможно, моё состояние), рано или поздно уходят, надо только терпеливо подождать. Понимают ли они при этом что-то обо мне, или просто насыщаются моим ужасом?

* * *

Солнце через оконные стёкла косыми лучами освещает мою постель и всю комнату, где я обитаю, сколько себя помню. С этого начинается каждый новый день. Я, впрочем, всегда стараюсь побольше использовать для бодрствования ночь, потому что в ней, как правило, меньше посторонних

звуков, а люди почти всегда спят. Для сна же я, поэтому, частично задеиствую день. Вообще, время после пробуждения всегда самое трудное для меня, так что я стараюсь подольше оставаться в постели. Осматриваю внимательно стены, потолок, на которых знаю каждый квадратный сантиметр, каждую завитушку обоев, узоры которых напоминают фантастических животных и птиц, – рассматриваю по очереди каждую из этих тварей, одних грозных, других забавных – вот жук с огромными рогами, вот грустная птица без крыльев, вот паук со стальными жвалами. Всё это, однако, настолько знакомое и родное, что совершенно не страшно, а напротив, очень помогает мне проснуться и собраться с мыслями. А на потолке надо мной нахожу раздавленного давным-давно комара – его прихлопнул когда-то один из людей, сняв с ноги тапок, и перехватив тапок за носок, как дубинку, ударил каблуком... Каблук по сравнению с комаром – огромен, примерно как весь этот нависающий надо мною потолок по сравнению со мной...

* * *

Хотя за пределами комнаты ещё есть комнаты, кухня, коридор и санузел, я всё это не очень люблю, и бываю там только по необходимости, поскольку там намного тревожнее, – менее привычно, чем в моей комнате. Там обычно обитают эти люди, подобные друг другу и совсем не похожие на меня. Я неплохо понимаю их речь, но сам никогда с ними не говорю. Мне кажется, я и мог бы сказать им что-нибудь, ино-

гда даже приходит мысль, что сказать в ответ на их обычно многочисленные слова, обращённые друг к другу или иногда даже, кажется, ко мне, но пока я формулирую пришедшую мысль, облакаю её в уме в слова, чтобы высказать, они уже говорят что-то следующее, совсем другое, или принимаются за какое-то несвязанное с прежними словами занятие, или и вовсе уходят. Люди вообще очень непостоянны, и это мешает. Впрочем, обычно я и вовсе не испытываю потребности говорить с ними. Зато письменная речь мне вполне подходит, здесь можно не спеша сформулировать свою мысль, облечь её в слова и изложить последовательно, не опасаясь быть прерванным. Так я и начал эти записки. Я очень опасюсь, что кто-нибудь их увидит, поэтому пишу их только тогда, когда никто не может меня видеть, и храню в тайне со всеми предосторожностями. Я не могу даже примерно представить себе реакцию людей в случае обнаружения этих записок, и это меня очень пугает. Не то чтобы я ожидаю какого-то определённого зла от них, однако сам факт, что люди обо мне столько узнают, кажется мне устрашающим.

Людей несколько: мужчина, ласковая женщина, и ещё двое совсем молодых. Последние никогда ко мне не заходят, но я помню, что когда я был совсем маленький, они тоже были маленькие, они тогда ладили со мной, и даже иногда со мной играли. И я даже тогда помнил их имена, хотя никогда не произносил вслух. Сейчас об этом странно вспоминать. Впрочем, теперь они и в квартире-то, как я замечал,

часто отсутствуют, и взрослый мужчина тоже, видимо, часто отсутствует, женщина же, напротив, почти всегда присутствует и даже заботится обо мне, принося еду, постиранную одежду и бельё. Иногда мне кажется, что она поклоняется мне, как некоторому божеству. Хотя, более вероятно, что они все просто изучают меня, как некоторое невиданное животное, помещённое в лабораторию, потому что я и есть невиданный, очевидно, единственный в своём роде, – во всяком случае, за всё время моего существования я не только не встречал подобного себе, но и не слышал, чтобы таковой существовал.

* * *

Самое интересное, важное и любимое место моей комнаты, это компьютер. Через него я выхожу в интернет, и это моё электронное окно во внешний мир, – намного более эффективное, чем окно стеклянное, через которое немного-то и увидишь. Не то чтобы я был заперт в пределах комнаты, или даже в пределах квартиры; более того, люди даже порой пытались меня зачем-то выводить вовне, на улицу, однако действительность там настолько непредсказуемая и пугающая, что мне приходилось всякий раз бежать и прятаться, и они со временем оставили эти жестокие эксперименты. В квартире, и даже в моей комнате тоже порой неизвестно откуда доносятся угрожающие в своей непредсказуемости звуки, но всё же в привычной обстановке пережить их намного легче...

В качестве другого эксперимента они однажды привели в

мою комнату постороннего человека! Причём заранее планировали его визит, много совещались между собой, называя его почтительно "специалист", – как я мог это слышать из-за стенки, находясь в своей комнате. А затем даже заговорили о нём прямо при мне, чем в конец меня растревожили ожиданием неизвестного, – они, возможно, думают, что я не понимаю человеческую речь, или, что я глух. Однако они всё откладывали визит этого «специалиста», как будто сами сомневались в целесообразности такого эксперимента, и я уже начал надеяться, что всё как-нибудь обойдётся... Но нет, однажды он всё-таки пришёл! Он смотрел на меня тяжёлым, очень пристальным и незнакомым взглядом, задавал им обо мне многие вопросы, касающиеся моей жизни. Я же не мог и шевельнуться от напряжения, только сидел неподвижно, до боли сцепив пальцы рук. Совершенная неизвестность того, как выглядит чужак, была особенно ужасающей. Взглянуть на него, я, конечно, не решался, пока он на меня смотрит, а выждать момент, когда он отвернётся, чтобы взглянуть на него, тоже не мог, так как от ужаса сам повернулся к нему почти спиной... А они говорили с ним обо мне, – я и не знал, что они вообще столько обо мне знают! А тут ещё делились этой информацией с совсем чужим человеком... О, насколько проще было бы мне тогда умереть, чем продолжать выносить тот эксперимент! Но, – возможно, поняв моё состояние, и найдя меня достаточно измученным, – они всё же свой эксперимент остановили и ушли,

оставив меня, наконец, одного, совершенно обессиленным. О, как долго я потом лежал на кровати, разглядывая родные обои, силясь успокоиться! Но как было успокоиться, когда он, даже уйдя из моей комнаты, всё никак не уходил из квартиры, продолжая разговаривать с ними обо мне!.. Он даже придумал для меня новое слово, которое я с тех пор не могу забыть, хоть и не понимаю его значения (и оттого оно словно пытается поглотить меня, широко открывая свой немой рот) – "аутизм".

* * *

Только электронное окно компьютера всегда радует меня своей совершенной безопасностью. Оно даже безопаснее окна стеклянного, так как последнее может быть разбито и обнаружится проход, окно же электронное есть просто устройство вывода информации, и если его разбить, оно просто перестанет работать. И при этом, через него можно получать потрясающие объёмы информации! Мир за пределами комнаты и квартиры – поистине огромен! Планета Земля имеет радиус 6400 км, то есть, если принять длину комнаты около 5 метров, то в 1 280 000 раз больше. Для наглядности это можно представить так: если комната была бы размером с клеточку тетрадного листа (5 мм), то тогда радиус Земли был бы почти 6 с половиной километров, что, видимо, намного дальше самого дальнего видимого из стеклянного окна здания! Обратим внимание, что это только земной радиус, диаметр ещё вдвое больше... Однако, если выйти за пределы

Земли в космическое пространство, выяснится, что размеры Земли ничтожно малы! В расстояние от Земли до Луны поместится целых 30 земных диаметров. Если же выйти за пределы системы Земля-Луна, выяснится, что и это расстояние ничтожно! Так расстояние от Солнца до Земли превышает его в 389 раз, то есть если представить расстояние от Земли до Луны в виде всё той же тетрадной клеточки (Земля там, в таком случае, будет едва различимой невооружённым глазом точкой размером $1/6$ миллиметра), то расстояние до Солнца будет почти два метра, то есть размером с дверь моей комнаты. Причём по меркам Солнечной системы и это совсем небольшое расстояние, прозванное астрономической единицей; так радиус орбиты Юпитера составляет 5,5 астрономических единиц, Нептуна – 30 а.е., а внешней границы облака Оорта, откуда к нам прилетают кометы, до 50 000 или даже 100 000 а.е... Однако и эта величина бледнеет по сравнению с расстояниями между звёзд: так ближайшая к Солнцу звезда ещё почти втрое дальше, чем максимальная предполагаемая граница облака Оорта. Если вернуться к примеру с тетрадной клеточкой, и теперь уже принять её за астрономическую единицу, то 250 или 500 метров составит облако Оорта, и без малого полтора километра – ближайшая к Солнцу звезда!

Мне трудно представить себе эти сотни метров и километры; одно могу сказать, что в те давние эксперименты над мной, когда меня выводили из дома, я точно ни разу не бы-

вал от него настолько далеко, в связи с чем я вовсе не могу себе эти расстояния представить. Что же сказать тогда насчёт размеров Галактики? Расстояние до галактического центра ещё почти в 6 с половиной тысяч раз больше, чем до ближайшей от Солнца звезды; диаметр Галактики – приблизительно в 25 тысяч раз... А там и межгалактическое пространство, по сравнению с которым и размеры нашей галактики оказываются невелики! Вместе с другими галактиками она входит в местную группу галактик, которая, в свою очередь, в местное сверхскопление галактик, где общее количество галактик около 30 тысяч, а местное сверхскопление, в свою очередь, в скопление сверхскоплений. Скопления и сверхскопления формируют собой «нити» и «стены», разделённые между собой чудовищными пустотами (окажись кто-нибудь в этих пустотах, он не увидел бы невооружённым глазом на «звёздном» небе не то что звёзд, но даже далёких скоплений галактик!..)

Впрочем, свет от даже наиболее далёких от нас «нитей», «стен», сверхскоплений галактик и прочих подобных объектов имеет красное смещение всего лишь в несколько единиц, в то время как красное смещение для реликтового излучения – того первого света (электромагнитного излучения), что появился раньше Солнца и звёзд, – его красное смещение более 1000. То есть ещё в сотни раз больше!..

Ничто так не успокаивает меня, как размышления над этими величинами и бессильные попытки вообразить их хо-

тя бы отчасти! Ведь малость моя перед этим величием такова, что исчезает всякий страх за своё существование, которое просто оказывается слишком ничтожно, чтобы о нём беспокоиться. Осознание собственной ничтожности освобождает от страха. Ещё мне кажется, что если эти десятки и сотни тысяч галактик не рассыпаются в прах, не разлетаются в пустоте, но стоят стройно в надлежащем им порядке «нитей» и «стен», удерживаемые неким неведомым мне Законом, устою тем же, возможно, и я. И хотя я знаю, что со временем медленно, но неумолимо меняюсь, и что они также не неизменны, но разлетаются в пустоте вместе с расширяющейся Вселенной, – в этой космической нестабильности я, однако, упрямо надеюсь, что неизменен Закон, всем управляющий, – если только он существует не в разлетающемся мире, как его часть, а вне его пределов, чтобы оттуда удерживать его от распада... Но, впрочем, и этот гипотетический вечный внешний абсолютный Закон не насыщает мою космическую пустоту от её одиночества – потому что он всего лишь Что-то, а не Кто-то!